

Крутова М.С. 1990 – Златая цепь // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Ч. 1–2. Новосибирск, 1990.

Никольский Н.К. 1906 – Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.) // Древние ска-

зания о святом Николае в славянорусской письменности. СПб., 1906.

Потапов П.О. 1922 – К литературной истории летописных сказаний о святом Николае Чудотворце // Ученые записки Высшей школы г. Одессы. Отдел гуманитарно-общественных наук. Т. 2. Одесса, 1922.

СП 1967 – Синайский патерик. М., 1967.

В.И. Макаров

Р.К. Потапова. Коннотативная паралингвистика. М., "Триада". 1998. (2-е изд.) 70 с.

Рецензируемая монография, выполненная при поддержке Международного Научного фонда Сороса, посвящена проблеме выявления, систематизации и описания паралингвизмов – вербальных и невербальных коррелятов различных коннотативных значений, реализуемых в процессе коммуникации (межличностного и межкультурного общения). В работе отражены результаты теоретико-экспериментального исследования автора, проведенного на материале русского, немецкого и английского языков. Концепция автора, являющегося одним из крупнейших специалистов в области теоретической и прикладной лингвистики, открывает новое направление в изучении паралингвистических коммуникативно значимых явлений.

Работа состоит из "Введения", трех глав ("Теоретические предпосылки исследования", "Задачи, методика и результаты исследования", "The identification of connotative features on the basis of prosodic parameters"), "Заключения" и "Библиографии". Следует подчеркнуть, что в главе на английском языке отражено не только основное содержание двух предыдущих глав, но также представлен новый материал, "озвученный" на международных конференциях под эгидой Международной Ассоциации по судебной фонетике (с Центром в Лондоне), членом которой является автор монографии.

Р.К. Потапова рассматривает речевую коммуникацию как цепочку состояний, в которой производство, передача и прием вербального сообщения являются лишь частью процесса коммуникации в целом. Наряду с акустическим каналом при передаче сообщения используется также и визуальный канал. Вместе с тем по акустическому каналу передается не только лингвистическая, но также и паралингвистическая информация. Таким образом, система человеческого общения – это сложная целостность, включающая вербальный и невербальный каналы коммуникации, которые в

разных ситуациях общения взаимодействуют по-разному.

В основном, эта комбинаторика сводится к следующему: а) п о в т о р е н и е (невербальная коммуникация дублирует то, что было передано вербально); б) к о н т р а - д и к ц и я (невербальное поведение противоречит вербальному); в) с у б с т и т у - ц и я (невербальное поведение выступает вместо вербальных средств передачи сообщения); г) д о п о л н е н и е (невербальное поведение модифицирует или развивает вербальное сообщение); д) а к ц е н т и - р о в а н и е (невербальное поведение может акцентировать отдельные части вербального сообщения подобно тому, как подчеркивание слов на письме служит их выделению); е) р е г у л и р о в а н и е (невербальное поведение используется для того, чтобы регулировать коммуникативный поток между взаимодействующими индивидами) [Потапова 1997б].

Многочисленные эксперименты показали, что на интерпретацию полученного речевого сигнала адресатом коммуникации оказывает воздействие совокупность явлений "высшего порядка": в некоторых случаях для физически одинаковых речевых стимулов, функционирующих в различных контекстах и ситуациях; были получены разные оценочные реакции, напротив, в ряде других испытуемые были убеждены, что слышали определенный звук, несмотря на то что он был полностью исключен из предъявленного физического речевого сигнала.

Автор монографии подчеркивает, что в настоящее время есть все основания считать, что понимание речи – это активный процесс, результат сложной деятельности слушающего, а не пассивное следствие приема речевого стимула. В дополнение к входному акустическому сигналу слушающий в процессе восприятия и интерпретации речи использует различные источники информации: коммуникативную ситуацию,

вербальный контекст, знания структуры языка (на лексическом, синтаксическом, семантическом, фонологическом уровнях и т.д.), невербальные ориентиры и др.

В монографии указывается на то, что знание необходимости включения в той или иной форме в сферу лингвистического исследования факторов, непосредственно сопровождающих речь (например, звуковые средства, мимика и жесты), в современном языкознании было сформулировано еще в "Тезисах Пражского лингвистического кружка" [ПЛК 1967]. Теоретически мыслимая речевая коммуникация в "стерильных" условиях сопряжена с экспликацией чисто логического языка, где однозначность структуры строго определяет характер информации независимо от любых условий общения. Полное же изучение процессов вербальной передачи информации всегда должно опираться как на лингвистические, так и на нелингвистические (пара- и экстралингвистические) факторы. По определению Г.В. Колшанского, паралингвистика является языковедческой дисциплиной, занимающейся изучением факторов, сопровождающих речевое общение и участвующих в передаче информации [Колшанский 1974].

Несмотря на некоторые трудности отграничения паралингвистики от экстралингвистики, можно утверждать, что область экстралингвистики затрагивает функционирование и развитие всей системы языка в целом, как то: взаимодействие жизни общества и языка, культуру народа и языка, влияющие межнациональных связей и т.д., в то время как паралингвистические факторы распространяются на определенное конкретное высказывание, формируя его денотативные и коннотативные значения. Одним из важнейших средств паралингвистики является произносительная специфика (фонация, артикуляция, просодия) речевого сообщения. На двоякую роль (лингвистическую и паралингвистическую) произносительных средств, в частности просодии, указывалось ранее [Потапова 1986].

Автор монографии исходит из того, что антропоцентрическое направление в языкознании в наши дни побуждает к более глубокому проникновению в суть соотношения между лингвистическими (фонологическими, лексическими, грамматическими) и паралингвистическими факторами в передаче коннотативных значений речевого сообщения. Коннотация понимается как сумма эмоционально-оценочных компонентов, сопровождающих денотативное значение в реальном речевом акте и влияющих на конечный

смысл воспринимаемого высказывания. Известна трудность выделения коннотативных значений, что связано прежде всего с тем, что коннотация проявляет себя чаще всего как речевой, а не как языковой феномен. Коннотация не обязательно и не всегда должна трактоваться как субъективное, а потому нерелевантное для коммуникации явление [Потапова 1997б: 67].

В монографии подчеркивается, что сигнификативная функциональная нагрузка коннотации увеличивается особенно в тех случаях, когда лексический корпус и синтаксическая схема высказываний на родном и иностранном языках полностью совпадают. Учет адекватного декодирования коннотативных значений может не только "подкорректировать" интегративный смысл переводимого с одного языка на другой устного речевого высказывания, но и получить на выходе смысл с противоположным знаком (например, высказывание *это так просто*, устная реализация которого сопровождается набором специальных просодических признаков, может быть интерпретировано адресатом как сообщение, смысл которого характеризуется знаком, то есть, как "это совсем не просто" и т.д.).

Паралингвизмы, присущие тому или иному языку, все еще остаются исследованными без всякой систематизации, спорадически, с гипертрофией тех или иных средств, без элемента взаимосвязи, взаимообусловленности и взаимовлияния. Что же касается просодии как особого паралингвистического средства устного речевого высказывания, то в данном случае особую трудность представляет функциональная дифференциация просодии.

В работе указывается, что в настоящее время в исследовании по изучению звучащей речи можно встретить такие термины, как "просодия", "просодика" и "просодемика" [Потапова 1986]. Особенно большое различие существует в отношении терминов "просодия" и "просодика". Просодия выступает как понятие субстанционального плана, относящееся к физиологическим средствам реализации звучащей речи. Характеризуя просодию звучащей речи, обращаются обычно к таким физическим характеристикам речевой волны, как частота основного тона (в Гц), интенсивность (в дБ) и длительность (в мс).

Закрепленность вышеназванных характеристик во всем многообразии их параметров за субстанциональной сферой речевого сигнала позволяет использовать последние применительно к следующим функциональным аспектам: конститутивному, реко-

гнитивному, делимитативному, кульмина- тивному, дистинктивному (дифференциру- ющему), эмотивному, эмотивно-модальному. Именно такие функции, как эмотивная и эмотивно-модальная в наибольшей степени смыкаются со сферой актуализации паралингвизмов. Однако не разработанными остаются механизмы этой связи и суб- станционально-функциональная выражен- ность просодии в коннотативном ключе.

Серьезной проблемой, по мнению автора монографии, следует считать проблему от- граничения в сфере просодии чисто лингви- стических особенностей как структурных черт языка от всех видов "нелингвистиче- ской" просодии как системы признаков, относящихся к неязыковой информации. При этом далеко не ясно, какова модель соотношения лингвистической и паралингвистической просодии: а) за счет дополнительного увеличения просодических признаков? б) путем компенсации одних признаков другими? и т.д.

Если же рассматривать сегментные (фо- национно-артикуляторные) особенности, связанные с паралингвистикой, то можно предположить, что речевые фонация и арти- куляция также дифференцируются в функ- циональном аспекте. В данном случае особая роль принадлежит сегментному тембру, коррелирующему со спектральной структурой звуковых сегментов.

Паралингвистическая кинесика (мимика, жесты) также может рассматриваться как составляющая компонента вербальной ком- муникации. Следовательно, паралингвисти- ческая кинесика, являясь некоторой семи- отической подсистемой поведения человека со своими специфическими признаками, и непосредственно и опосредованно связана с языковой структурой.

Небезынтересным, с точки зрения автора монографии, представляется отграничить в ходе исследования универсальные зоосеми- отические признаки кинесики от этнически вербально обусловленных и имеющих паралингвистическую функциональную нагрузку признаков.

Экспериментальный раздел охватывает исследование произносительных паралингвистических средств передачи эмоцио- нальных и модальных коннотаций примени- тельно к ряду языков: русскому, англий- скому, немецкому и т.д. [Потапова 1978; 1989; 1990].

Данные экспериментов показывают, что наиболее однозначно с минимальным чис- лом коннотативных значений носителями немецкого и русского языков интерпре- тируются такие императивные действия, как

"приказ" и "мольба". Наибольшие расхожде- ния в субъективной оценке сообщений и наибольшее число коннотативных значений имеют императивные действия "просьба" и "требование". Интерпретация одного и того же сообщения, содержащего просьбу, для носителей немецкого языка содержала та- кие коннотативные значения, как 'извине- ние', 'привлечение внимания', для носите- лей же русского языка – 'упрашивание', 'требование'. Для последних "просьба" свя- зана с большей настойчивостью, большим психологическим давлением, иногда катего- ричностью. Ведущим произносительным паралингвистическим средством для выраже- ния коннотативных значений выступает просодическая организация речевого выска- зывания, а среди средств просодии – ак- центная выделенность сопряжена с инди- видуальными коннотациями, возникающими в сознании реципиентов при восприятии сообщения.

Как подчеркивает автор, паралингвисти- ческую вариативность речевого высказы- вания можно рассматривать как функцию концептуальной установки говорящего. При этом элементы просодической структуры не равноценны в передаче коннотативных зна- чений. Интерпретационная вариативность "пронизывает" все речевое высказывание и может проявляться в ряде произноситель- ных признаков: а) эмфатическом удлинении / укорочении синтагм; б) функциональных сдвигах в дистрибуции синтагморазделов; в) перераспределении функций между паузаль- ными контрастами; г) смещении тональных регистровых границ фраз и микротемати- ческих единств; д) расширении/сужении диа- зональных границ фраз и микротема- тических единств; е) чередовании статиче- ских и кинетических направлений движения тона; ё) упрощении/усложнении тонально- функциональных значений; ж) усложнении / упрощении ритмосхемы за счет сдвигов в последовательности сильных и слабых удар- ных позиций; з) перераспределении частот- ных динамических, темпоральных миниму- мов и минимумов в синтагматике.

Произносительные паралингвистические средства непосредственно связаны с эффек- том воздействия речевого сообщения [Пота- пова 1990]. Воздействие звучащего текста находится в прямой зависимости от исполь- зования арсенала средств всех уровней языка, которые формируют прагматиче- скую структуру текста и образуют функцио- нально-семантическое поле воздействия. Воздействующая информация экспрессивно окрашена и условно распадается на эмоцио-

нальную, оценочную и рациональную. Произносительные паралингвистические средства, формирующие коннотативные значения, наитеснейшим образом связаны с функцией эмоционально-воздействующего характера. К числу просодических признаков, маркирующих первый член оппозиции "эмоционально-воздействующая информация – рационально-воздействующая информация", могут быть отнесены: а) повышение тонального уровня, увеличение уровня громкости, увеличение темпа произнесения тематического пика по сравнению с фоном; б) повышение тонального уровня, расширение тонального диапазона, увеличение темпа произнесения рематического пика по сравнению с фоном; в) отсутствие контраста между просодическими показателями темы и ремы; г) резкое повышение тонального уровня, резкое расширение тонального диапазона, средний уровень громкости, уменьшение темпа произнесения рематического состава по сравнению с тематическим; д) наличие контраста между просодическими показателями темы и ремы.

Опираясь на концепцию формирования "удвоенной" языковой личности при подготовке переводчиков-биллингов [Халева 1996], следует дополнительно учитывать не только специфику языкового материала и фоновых социокультурных знаний, но также и специфику соотношения между лингвистическими и паралингвистическими средствами передачи коннотативных значений речевого сообщения в различных языках мира.

Как заключает автор, на сегодняшний день еще не достаточно исследованы принципы взаимодействия интра- и интерпаралингвистических средств при формировании коннотативных значений речевого высказывания. Малая степень разработанности проблемы еще в большей степени относится к сопоставительному межязыковому аспекту. В зависимости от характера используемых паралингвистических средств механизм декодирования речевого высказывания может различаться как по структуре умозаключения, так и по затрате времени для получения однозначного решения. Паралингвистические (фонационно-артикуляторные, просодические, кинетические) средства не имеют грамматической функции, а относятся к ситуации в целом, выполняя роль смысловой поддержки. Как указывалось ранее, если рассматривать процесс конечной (результатирующей) интерпретации вербального сообщения в акте коммуникации с учетом обоих каналов (лингвистического и паралингвистического), то можно предположить, что интерпретация чисто

вербальной информации и интерпретация околоречевой (паралингвистической) информации образуют своеобразное сложное единство, декодирование которого в акте коммуникации зависит от факторов, обусловленных наличием двух основных моделей: строго лингвистической модели и общей модели поведения.

Для теории и практики лингвистики значительным представляется исследование способа включения паралингвистических средств в процесс вербальной коммуникации. Конечной целью подобного исследования должно быть выявление специфики подсистем (лингвистической и паралингвистической) в передаче коннотативных значений применительно к языковой системе конкретного языка и в сопоставительном ключе для ряда языков.

Основная задача рецензируемого исследования заключалась в выявлении и определении специфики паралингвистических (произносительных и кинетических) средств передачи коннотативных значений устного речевого сообщения, что предполагало решение ряда конкретных задач, в том числе: а) определение набора паралингвистических средств (паралингвизмов), подлежащих анализу; б) выявление взаимодействия паралингвистических средств для выражения коннотативных (эмоционально-модальных) различий применительно к каждому из исследуемых языков; в) проведение паралингвоконтрастивного анализа полученных данных; г) проведение экспериментов, предполагающих обращение к языковому сознанию информантов-носителей каждого из исследуемых языков; д) определение системы паралингвистических признаков, соотносимых с набором коннотативных значений (применительно к эмоциональной и эмоционально-модальной текстовой деятельности информантов); е) определение дифференциальных признаков конкретных типов интерпретационных коннотативных вариантов; ё) поиск универсалий применительно к механизмам и характеру передачи коннотативных значений с помощью паралингвистических средств; ж) выявление системы паралингвизмов, их структурного соотношения.

В результате проведения исследования прогнозировалось получить: 1) конкретный набор произносительных и кинетических паралингвистических средств (паралингвизмов) при передаче коннотативных эмоциональных и эмоционально-модальных значений применительно к сопоставляемым репрезентантам славянской и германской групп языков; 2) модель соотношения пара-

лингвистических средств, служащих для передачи коннотативных значений; 3) типологию паралингвистических признаков коннотативных значений в текстовой деятельности первичной и вторичной языковой личности.

По мнению автора монографии, для определения составляющих коннотативного значения представлялось целесообразным провести предварительный эксперимент, целью которого было выявление возможности субъективной номинации наличия эмоционально-модальных коннотаций применительно к устным речевым высказываниям. Для решения данной задачи был проведен слуховой (аудитивный) анализ речевых высказываний, идентичных по своему фонемному составу, лексическому наполнению, синтаксическому построению и ритмической структуре. Таким образом, единственным признаком, различающим эти высказывания, было наличие тех или иных коннотативных значений, соотносящихся с эмоциональными или эмоционально-модальными коннотативными значениями. Эксперимент проводился на материале русского, английского и немецкого языков.

Слуховой анализ (на материале русского языка – совместно с Л.П. Блохиной) проводился поэтапно. На первом этапе перед аудиторами-носителями вышеречисленных языков стояла задача, заключающаяся в определении самой номинации коннотативного значения, присущего анализируемому высказыванию. Конечной целью эксперимента на данном этапе работы было выявление инвентаря возможных коннотативных значений, соотносимых с эмоциональной и эмоционально-модальной окраской высказывания.

На втором этапе перед аудиторами ставилась более сложная (дифференцированная) задача, конечной целью решения которой являлось описание просодических признаков, с помощью которых формировалось то или иное коннотативное значение на субъективном уровне слуховой перцепции.

Группе аудиторов ($n = 10$) предлагалось прослушать 300 экспериментальных фраз и дать определение каждому услышанному стимулу в плане его соотношения с тем или иным коннотативным значением эмотивного характера. В случае особых затруднений аудиторам разрешалось описать эмоциональное состояние говорящего в терминах дополнительных оценочных признаков.

В результате проведения слухового анализа был получен перечень наименований,

которые присваивались аудиторами той или иной эмоционально окрашенной фразе исключительно с опорой на просодию. Весь перечень номинаций был разбит на три класса: I класс наименований отражал физическое состояние; II класс наименований передавал духовный настрой говорящего с элементами модальности; III класс наименований характеризовал эмоциональное состояние говорящего.

Задача эксперимента на следующем этапе состояла в выявлении воспринимаемых качеств просодии, характерных для различных коннотативных значений. Для проведения субъективного анализа из общего количества фраз было отобрано 36 (20 двусинтагменных и 16 односинтагменных) в произнесении пяти дикторов. К отбору экспериментальных фраз предъявлялись следующие требования: а) высокий процент субъективного опознавания фразы как принадлежащей к определенной коннотативной группе; б) технически удовлетворительное качество записи фразы.

Перед аудиторами были поставлены задачи: 1) определить число выделенных слогов; 2) произвести ранжировку выделенных слогов по степени их выделенности; 3) определить направление движения и характер изменения мелодики в выделенных слогах фразы. Параметры для аудиторского анализа были выделены такие: а) громкость (большая, средняя, малая); б) темп (быстрый, средний, медленный); в) высотный диапазон (широкий, средний, низкий); г) высотный уровень (высокий, средний, низкий); д) высотный контур (плавный, изрезанный, монотонный); е) направление движения тона в завершении фразы (тип каденции): восходящее – резкое, плавное, ровное; нисходящее – плавное, резкое.

Аудитору предлагалось из этого набора параметров отобрать соотносимые с тем или иным коннотативным значением. При этом фразы предъявлялись парно: одна – с коннотативным эмотивным значением, другая – без коннотативного эмотивного значения. При обсуждении результатов учитывались только те случаи, когда более 60% аудиторов были едины в оценке той или иной анализируемой характеристики.

В результате исследования было установлено, что система паралингвизмов распадается на две подсистемы: а) паралингвизмы, связанные с эмотивными коннотативными значениями, передающими наиболее однозначно определяемые эмоции гнева, страха, радости и т.д.; б) паралингвизмы, относящиеся к различным эмоционально-модальным коннотативным значениям, но-

сящим менее дискретный характер (например, категоричность, настоятельность, заинтересованность и т.д.). Обе подсистемы включают ряд просодических параметров, позволяющих идентифицировать то или иное коннотативное значение.

Наряду с супraseгментными подсистемами произносительных паралингвизмов были исследованы сегментные подсистемы. В связи с этим анализировались спектральные и спектрально-временные параметры вокализма и консонантизма. Результаты исследования позволили установить наличие прямой зависимости между наличием/отсутствием того или иного коннотативного значения, с одной стороны, и наличием/отсутствием определенных акустических коррелятов на сегментном уровне, с другой. К наиболее информативным параметрам автор относит деформацию спектров гласных (смещение спектральной энергии в область низких или высоких частот), расширение или сужение спектральной картины гласных, зашумленный характер спектрального "изображения" гласных, изменение энергетической насыщенности формантных областей гласных, а также глухих щелевых согласных, наличие/отсутствие дополнительных частот в спектре звука.

Найденные в ходе исследования характеристики были сходны для речевых реализаций высказываний на материале русского, английского и немецкого языков, что указывает на их единый причинно-следственный механизм порождений. Ведущие эмоциональные коннотативные значения "гнев", "радость", "страх" коррелировали по наличию различающих их акустических характеристик с такими соподчиненными коннотативными значениями, как "недовольство", "осуждение", "злорадство", "удовольствие", "благожелательность", "ущербность", "скрытность" и т.д.

Автор отмечает, что супraseгментная и сегментная подсистемы произносительных паралингвизмов коррелируют с категориями "положительный – отрицательный", "сильный – слабый", которые в свою очередь восходят к двум кардинальным дихотомиям: "Я и партнер по коммуникации", "Я и окружающий мир" – (действительность, ситуация, события). В первом случае коннотативные значения, реализуемые средствами произносительной паралингвистики, порождены такими механизмами межличностного общения, как симпатия – антипатия, одобрение – неодобрение. Во втором случае все события, ситуации и т.д. оцениваются говорящим (адресантом) с точки зрения их желательности – нежелательности, с благо-

приятным – неблагоприятным конечным исходом.

Каждая из составляющих оппозиции "симпатия – антипатия" (применительно к дихотомии "Я и партнер по коммуникации") соотносится с целой палитрой коннотативных значений:

а) симпатия = одобрение, уважение, благоговение, восхищение, радость от общения, предупредительность в действиях, готовность помочь, открытость, удовольствие от общения, дружелюбие, нежность, любовь и т.д.;

б) антипатия = неодобрение, пренебрежение, презрение, неуважение, неудовольствие, замкнутость, предвзятость, предубеждение, отсутствие радости при общении, способное перейти в состояние раздраженности, гнева, гневливости, злорадства, ненависти, скепсиса, сарказма, отворачивания и т.д.

Произносительные паралингвизмы, по мнению автора монографии, носят универсальный общебиологический, физиологический и психологический характер, что существенно облегчает их декодирование в акте коммуникации вообще и при интерпретации устных речевых высказываний при переводе с одного языка на другой, в частности. Однако их адекватная интерпретация предполагает знание признаков всех коннотативных значений. Вместе с тем есть и внутренние межъязыковые различия, которые относятся, главным образом, к более тонким структурным соотношениям применительно к таким параметрам, как максимальные мелодические значения на слогах, несущих фразовые ударения, внутрислоговые мелодические изменения, максимальные и минимальные энергетические участки высказывания, временные реализации слогов и их составляющих.

Все названные результаты принадлежат к общему типу вербальных паралингвизмов. Если же затронуть невербальный компонент коммуникации, то, как указывает Р.К. Потапова, в данном направлении ведется неизмеримо меньше исследований. Ею был проведен эксперимент с обращением к испытуемым – носителям немецкого языка. Рассматривались коннотативные значения всевозможных императивных действий мольбы, просьбы, пригласения, увещевания, предложения, напоминания, требования, указания, приказа. В ходе эксперимента фиксировались и описывались невербальные паралингвизмы, коррелирующие с коннотативными значениями императивности; наблюдались также различия по половому цензу.

Автор монографии подчеркивает, что невербальные паралингвизмы способствуют более точному декодированию смысла речевого высказывания, дополняя и уточняя передаваемые вербальными средствами коннотативные значения. Исследования в этой области делают еще только первые шаги и нуждаются в дальнейшем расширении и углублении. Кроме того, они напрямую связаны с культурологическими и этнографическими изысканиями.

Рецензируемая монография, являясь небольшой по объему, содержит результаты обширного эксперимента, которые отражены в работе в емкой и оптимально информативной форме. Автор демонстрирует оригинальный подход к изучению коннотативных паралингвизмов, формулирует ряд удачных, с нашей точки зрения, дефиниций в данной области знаний, предлагает нетривиальные пути разработки проблемы на последующих этапах исследования. Думается, что рецензируемая монография является по праву ценным вкладом в теорию языкознания в целом и теорию речеведения, в частности. Монография представляет, несомненно, большой интерес для специалистов самых разных научных и

практических дисциплин лингвистического и нелингвистического плана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Колианский Г.В.* 1974 – Паралингвистика. М., 1974.
- Потапова Р.К.* 1978 – О составляющих временного эмотивного признака // "Речь, эмоции и личность". Л., 1978.
- Потапова Р.К.* 1986 – Слоговая фонетика германских языков, М., 1986.
- Потапова Р.К.* 1989 – Временные корреляты речи испытуемых в различных эмоциональных состояниях // Возможности судебной видеофонографической экспертизы. М., 1989.
- Потапова Р.К.* 1990 – Фонетические средства оптимизации речевого воздействия // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.
- Потапова Р.К.* 1997а – Коннотативная паралингвистика. 1-е изд. М., 1997.
- Потапова Р.К.* 1997б – Речь: коммуникация, информатика, кибернетика. М., 1997.
- ПЛК 1967 – Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Халева И.И.* 1990 – Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. Автореф. дис... докт. филол. наук. М., 1990.

М.М. Маковский